

Борьба за русский рынок: голландские купцы в Архангельске и на Балтике в конце XVII столетия

Существующие исследования о торговле голландцев с Россией показывают, насколько голландцы в конце XVI—начале XVII в. укрепили свои позиции как преобладающая в Московии торговая держава. Масштабы ее преимущества в этом соперничестве с англичанами легли в основу широко распространенного мнения о том, что превосходство голландских купцов оставалось едва ли не бесспорным и на протяжении остальной части XVII столетия как в Архангельске, так и в большинстве контролируемых Швецией портов на востоке Балтийского моря. Поэтому почти не подвергался критическому осмыслению вопрос о том, насколько голландцы были в состоянии сохранять за собой доминирующие позиции на рынке, который был в Европе раннего Нового времени одним из самых динамично развивающихся. В настоящей статье будет сделана попытка осветить эту проблему и, в частности, обосновать предположение о том, что было бы неблагоразумно воспринимать традиционное суждение о ведущей роли голландцев как нечто большее, нежели самое широкое обобщение. При помощи сравнительного анализа архангельского и балтийского рынков я приведу свидетельства в пользу того, как начиная с 1660-х годов целый ряд факторов подрывал голландское превосходство в торговле с Москвией. Природа этих изменений будет изучена в рамках четырех крупных категорий: 1) все большее перемещение русской экспортной торговли на восточную Балтику; 2) природа конкуренции, с которой столкнулись голландцы на Балтике; 3) проблемы, возникшие в результате

эволюции московитской коммерческой политики на архангельском рынке, и 4) возрождение английской «Московской компании».

Перемещение русской экспортной торговли на Балтику

Хотя беломорский порт на всем протяжении XVII в. оставался наиболее важным для русской экспортной торговли, в пределах столетия его относительная доля в общем объеме товарооборота существенно колебалась. В конце 1640-х—начале 1650-х годов балтийские порты впервые после Смуты бросили серьезный вызов Архангельску. Это явилось следствием ряда факторов. 1) Условия для предпринимательской деятельности на Балтике улучшились в результате более либеральной экономической политики, проводимой шведским государственным канцлером Акселем Уксеншерной. Правительство Швеции осознalo важное значение более низких таможенных пошлин и лучшего обращения с русскими купцами в главных восточнобалтийских портах¹. 2) Русская коммерческая политика становилась все более протекционистской и агрессивной по отношению к торговавшим в России иностранцам, стремясь благоприятствовать интересам отечественных купцов. В конце 1640-х годов иноземцев лишили дарованных им прежде пошлинных привилегий, и пошлинные сборы постепенно возрастали. Эта новая политика наиболее ярко проявилась в запрете английским купцам торговать во внутренних районах России и в объявленной в 1649 г. отмене старых привилегий «Московской компании». 3) Наконец, англо-голландская морская война 1652–1654 гг. на время парализовала всякое движение на архангельском маршруте и привела к исключительно интенсивному возрождению торговли в Нарве, Ниене и Ревеле. Согласно Иоганну де Родесу, писавшему в конце 1653 г., на протяжении двух лет в Архангельске «почти не было» голландских кораблей². Одновременно шведские управляющие балтийскими портами отметили увеличение там объемов торговли в несколько раз³.

Перспективы и вероятность дальнейшего быстрого подъема балтийской торговли в 1650-х годах не поддаются учету. Совершенное Россией в 1656 г. нападение на шведские Прибалтийские

провинции во всяком случае сразу положило конец этому перемещению торговли. Охватившая большие территории и продолжавшаяся довольно долго разруха в прибалтийском регионе, неопределенность ситуации в промежутке между Валиесарским перемирием и окончательным русско-шведским Кардисским мирным договором 1661 г., а также восстановление мира между Англией и Нидерландами вернули Архангельску ведущие позиции в российской торговле. Тем не менее оживившаяся после Кардиса торговля на Балтике вновь бросила вызов беломорскому порту, подчеркнув важное значение структурных факторов, которые по-прежнему свидетельствовали в пользу балтийского региона.

Масштабы произошедшего после Кардиса подъема торговли, который очень ясно проявился уже в 1660-е годы, должно быть, застали шведских политиков врасплох. Нарва, бывшая главным морским портом Московии в 1558–1581 гг., за четыре десятилетия достигла и в некоторых категориях экспортных товаров даже превзошла наивысший в XVI в. уровень объемов товарооборота⁴. Та же тенденция наблюдалась в Ниене, городке при крепости, основанной шведами в 1611 г. при впадении в Неву реки Охты, хотя начало у Ниена было гораздо скромнее. И все же этот маленький порт стал центром большой транзитной торговли, осуществляющей купцами русского Северо-Запада со Стокгольмом. Это единственный случай активной морской торговли, осуществляющей русскими купцами на протяжении XVII в. К 1690-м годам объемы экспорта из Ниена по многим параметрам были больше трети нарвского вывоза. В самом конце столетия купцы русского Северо-Запада доставили морем в Стокгольм товаров на общую сумму, по-видимому, до 300 тысяч рублей. Даже Рига, которая в русской торговле прежде играла в лучшем случае второстепенную роль, испытала подъем благодаря интенсивным связям, установленным ею со смоленской землей, отвоеванной Россией в 1654 г.⁵

Этот быстрый подъем деловой активности на Балтике характеризовался не только значительным ростом объемов местного производства на Северо-Западе России, но также и, особенно в 1690-е годы, усилившимся притоком туда из центральных районов страны товаров (преимущественно кожи и шкур), которые прежде направлялись почти исключительно в Архангельск. К концу столетия в челобитных русских купцов к властям все чаще

звучали просьбы о дозволении им торговать на Балтике. Все больше русских купцов ориентировали свои сделки на Запад, хотя официальная политика правительства по-прежнему отдавала предпочтение Архангельску⁶.

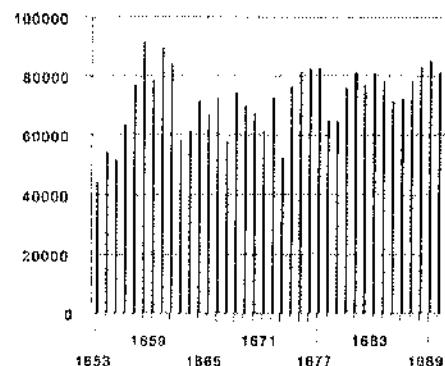
Эта резкая перемена к лучшему в судьбах прибалтийских портов совпала с тремя десятилетиями фактического застоя в деловой активности на Белом море, тогда как общая динамика объемов российского вывоза осталась в сущности неизменной (рис. 1). В конце столетия прежняя тенденция к увеличению объемов голландской торговли в Архангельске уже не наблюдалась, за исключением самых последних лет этого века. Число приходивших в беломорский порт голландских кораблей колебалось вокруг некоего среднего значения: в среднем 29,9 в год в 1670-х, 24,3 в 1680-х и 31,2 в 1690-х, и эта тенденция не претерпела существенных изменений с постепенным увеличением средних размеров голландских кораблей (рис. 2). Даже произошедший в конце XVII в. рост коммерческой активности лишь чуть превзошел наивысший уровень объема экспорта, достигнутый в 1670-х годах.

Различие в судьбах балтийских и беломорских торговых марилотов становится ясно из имеющихся данных о таможенных пошлинах, собираемых в порубежных городах северо-западной России Новгороде и Пскове, а также в Архангельске. Северо-Запад стал наиболее интенсивно развивавшейся частью российской экономики — во всяком случае, с точки зрения объемов иностранной торговли. Общая сумма псковского вывоза в 1670/71 г. составила 50 862 рубля⁷. Вывоз из Новгорода, если предположить, что он представлял сравнимую долю всей торговли города, должен был, по грубой оценке, достигать половины этой суммы (рис. 3). Таким образом, общая сумма русского экспорта товаров, шедших в шведские порты на восточной Балтике, по-видимому, была менее 80 тысяч рублей, а это всего лишь чуть больше 10% от архангельского вывоза за те же годы.

Однако, экстраполируя данные о таможенных сборах, получаем, что вывоз из Пскова около 1692 г. должен был оцениваться приблизительно в 80 тыс. руб. (рис. 4). Новгородский же должен был составить порядка 130–150 тыс. руб. Следовательно, общая сумма для двух приграничных северо-западных городов в начале 1690-х годов почти наверняка превышала 200 тыс. руб., а

Рис. 1

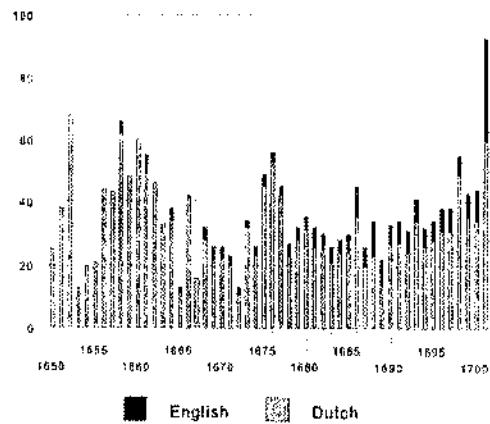
Таможенные поступления в Архангельске (руб.)

Источник: Изюмов А. Ф. Размеры русской торговли XVII века через Архангельск в связи с необследованными архивными источниками // Известия АОИРС. 1912. С. 250–258.

Рис. 2

Имеющиеся сведения о голландских и английских кораблях в Архангельске в 1650–1700 гг.

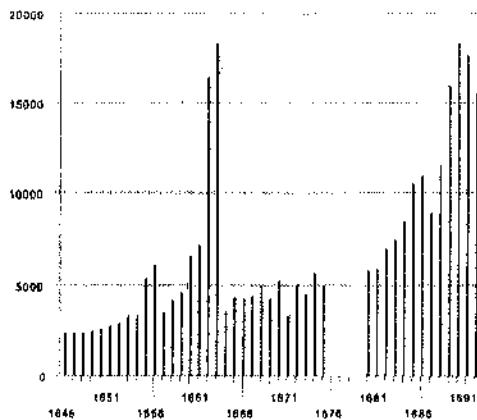

Примечание. Данных об английских кораблях за 1650-е годы почти нет, и они, следовательно, не указаны. Вероятно, их число не превышало четырех кораблей в год.

(Источник: АМА НА; выписки профессора П. де Букка; Public Record Office. E 190; GHL Ms. 11 741).

Рис. 3

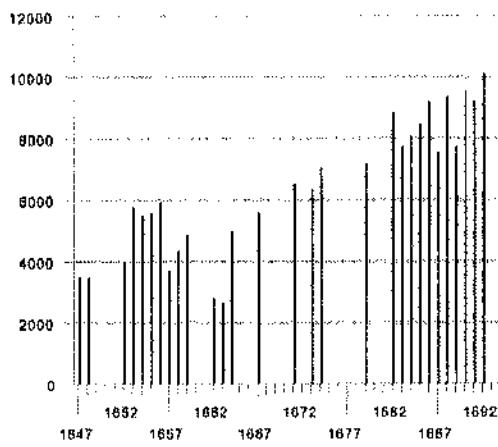
Таможенные поступления в Новгороде (руб.)

Источник: Варенцов В. А. Торговля и таможенное управление Новгорода в XVI–XVII вв. Новгород, 1996. С. 64.

Рис. 4

Таможенные поступления в Пскове (руб.)

Источник: Юрасов А. В. Внешняя торговля Пскова в XVII в.: Дис. ...канд. ист. наук. М., 1998. С. 166.

это равнялось уже четверти общей суммы вывоза из Архангельска. Между тем следующее десятилетие ознаменовалось резкой интенсификацией подъема торговой активности на Балтике. Таможенные данные шведских балтийских портов показывают удвоение объемов экспорта на протяжении 1690-х годов. В Нарве и Ниене это целиком и полностью произошло в результате бурного роста русской транзитной торговли. Наивысший уровень экспорта, достигнутый Новгородом и Псковом, был близок к 500 тыс. руб. В конце столетия ежегодный вывоз из Архангельска колебался в пределах между 600 и 800 тыс. руб.⁸ Следовательно, на исходе XVII в. шведские балтийские порты бросили Архангельску весьма серьезный вызов, и если бы не помешала начавшаяся в 1700 г. Северная война, российское правительство действительно оказалось бы перед очень тревожными перспективами.

Это общее перемещение коммерции сопровождалось полным переключением торговли шелком, которую в соответствии с договорами, заключенными с русским правительством в 1667 и 1673 гг., вели армяне из Новой Джульфы. Власти Швеции пошли на ряд уступок, стремясь привлечь армянских купцов в Нарву, и в конце концов добились своего. Кажется, 1688-й год стал последним, когда армяне приехали в Архангельск со своим товаром. В последующем они торговали только в Нарве⁹. Общая стоимость этой армянской торговли шелком-сырцом достигла в 1695 г. 110 тыс. руб. (по московским ценам)¹⁰. Это составило свыше 10% от общей стоимости русского вывоза через Архангельск в то время и, таким образом, явилось большой потерей для беломорского порта.

Частичный перенос международной торговли из Архангельска на Балтику явился плохой новостью для голландцев, которые ранее обеспечили себе прочное присутствие в северной России, но в балтийских портах столкнулись с более ожесточенной конкуренцией. А что еще более важно, при том, что у них были ведущие торговые партнеры в Риге и Ревеле, позиции голландцев являлись далеко не преобладающими в двух главных портах русской экспортной торговли — Нарве и Ниене. В Нарве голландцы столкнулись с хорошо организованным соперником в лице имевшей свой центр в Любеке «Compagnie der Novgorod-fahrt» («Компании купцов, ездащих в Новгород»), в руках кото-

рой была основная масса уходивших через Нарву русских транзитных товаров на протяжении большей части шведского правления в Прибалтике¹¹. В частности, любекцы стремились закупать в России товары с наиболее высокой добавленной стоимостью и порой успешно для себя монополизировали торговлю различными видами шкур, пушниной и салом. Позиции компаний были менее прочны лишь в торговле волокном — льном и пенькой¹². Старые гостиные дворы (конторы) компаний в Новгороде и Пскове давали любекцам заведомые преимущества, которые обеспечивали существование на Северо-Западе России надежной сети поставщиков¹³.

Помимо любекцев, голландские купцы во второй половине XVII в. столкнулись с возраставшим влиянием английского купечества¹⁴. Происшедший в середине столетия упадок деловой активности англичан в Архангельске предоставил шведской коммерческой дипломатии чудесные возможности как раз тогда, когда правительство предпринимало отчаянные попытки в поисках более крупных капиталов для привлечения русских товаров на Балтику¹⁵. Состоявшееся дипломатическое сближение Швеции и Англии, особенно в 1660-е годы, сделало Нарву естественной новой базой для повторного завоевания англичанами московитского рынка. Более того, для общины английских купцов это создало новые возможности действовать за пределами ограничений, поставленных правилами «Московской компании».

На протяжении последних десятилетий XVII в. в Нарве образовалась значительная община английских купцов. Уже к 1670-м годам англичане оттеснили голландцев с позиций второго по значимости торгового партнера Нарвы и регулярно вывозили приблизительно третью часть нарвского экспорта, большая часть статей которого — например лен, пенька и поташ — доставлялась из России. Не менее десяти процветавших англичан даже стали гражданами Нарвы, тем самым как шведские подданые получив привилегии — в частности, право на беспошлинную торговлю через датский пролив (Эресунд, Зунд). Эти люди появились в Нарве с уже наложеннымми деловыми связями в то время, когда действовавшие в городе по отношению к иностранцам таможенные правила постепенно становились более либеральными¹⁶.

Давление на голландцев и далее усиливалось в результате все более агрессивной политики шведских властей, направленной на поощрение развития отечественного торгового флота с целью уменьшить зависимость балтийских портов от иностранного капитала. Благодаря растущим объемам ввоза леса из соседних частей северной России Нарва при поддержке властей начиная с 1670-х годов в значительных масштабах развила деревообрабатывающую промышленность. За оставшуюся часть столетия было устроено несколько пильных мельниц, в больших количествах поставлявших относительно дешевые материалы для городских верфей, которые обычно основывались как своего рода приданки к пильным мельницам¹⁷. Судостроительная промышленность была создана к началу 1680-х годов, и довольно скоро там уже строились большие суда. Применительно к 1680-м и 1690-м годам имеются документальные свидетельства о 31 приписанном к Нарве морском судне с грузоподъемностью от 40 до 280 ластов, а общая их грузоподъемность составляла свыше четырех тысяч ластов. К концу столетия эти суда регулярно брали на борт до одной пятой вывозившихся из Нарвы товаров. Английские граждане города при этом играли ключевую роль в создании для Нарвы ее собственного флота¹⁸. В условиях сильной иностранной и к тому же все более усилившейся местной конкуренции голландцам не удалось занять сколько-нибудь прочного положения на нарвском рынке, и они там действительно стали утрачивать свое относительное влияние. На протяжении последней трети XVII в. голландские корабли ни разу не составили больше, чем едва-едва сверх одной пятой от общего числа заходивших в порт, а обычно их процент был порядка 10–15¹⁹. Следовательно, им оставалось играть относительно маргинальную роль в транзитной торговле Нарвы русскими товарами в то время, когда из этого города вывозили, вероятно, четвертую часть, а может быть, даже больше от общего объема русского экспорта в Западную Европу.

Между тем как в Нарве основными конкурентами голландцев были либо иностранные, либо местные купцы, в Ниене самая непосредственная опасность исходила от русских торговцев. Купцы северо-западной России из Новгорода, Олонца, Тихвина и Ладоги успешно монополизировали вывоз традиционных русских экспортных товаров — пеньки, сала, шкур, кожи. С 1637 г.

в Стокгольме имелся особый двор для московитских приезжих — так называемый Ryssgården (Русский двор). Двор интенсивно рос, особенно в годы после Кардисского мира, становясь наиболее важным после Нарвы центром русской торговли в балтийском регионе²⁰. В конце столетия объем ежегодных продаж в Стокгольме ключевых русских товаров достиг высокого уровня: приблизительно 1000 шиффунтов (берковцев) льна, до 6000 шиффунтов пеньки, в некоторые годы свыше 1500 шиффунтов сала и до 20 000 штук юфтей²¹. Помимо возраставшего русского влияния Ниен переживал также развитие отечественного местного деревообрабатывающего производства и судостроения. Наиболее важной статьей голландского импорта из Ниена в конце столетия были лесоматериалы²².

Хотя голландцы могли как-то утешаться своим по-прежнему прочным положением в Архангельске, их превосходство и там не оставалось бесспорным. В частности, они встретились лицом к лицу с двумя главными опасностями: протекционизмом российских властей и постепенным новым усилением англичан. Первый из этих факторов препятствовал росту общих объемов торговли в Архангельске, что, естественно, больше, чем представителей других держав, тревожило голландцев прежде всего из-за их прочного присутствия там. Усиление же англичан вело к потере голландцами какой-то доли рынка, хотя в основном скорее за счет увеличения объема английской торговли, а не сокращения голландской. В целом голландцы сумели сохранить свои позиции. Однако вместо расширения масштабов операций и завоевания новых рынков, как это они делали в первой половине XVII столетия, им пришлось отстаивать уже имевшиеся позиции и ограничиться лишь считанными новыми завоеваниями.

Лицом к лицу: противодействующий протекционизму

При Алексее Михайловиче российские правящие круги быстро освоили и усиливали протекционистскую политику в торговле²³. Отчасти это имело причиной тот факт, что страна теперь меньше зависела от иностранной помощи, чем в трудное время восстановления хозяйства после Смуты, но также и отражало

явные изменения политических приоритетов и возраставшее влияние на экономическую политику со стороны крупных привилегированных купеческих корпораций. Позиция правительства особенно проявилась в таможенной политике, где протекционизм обладал дополнительными преимуществами в деле потенциального увеличения государственных доходов. Поначалу Алексей Михайлович держал ставки таможенных пошлин на уровне трехчетырех процентов в Архангельске и полутора-двух процентов при транзите товаров во внутренние районы России. Однако иностранные купцы платили теперь и разные другие пошлины, в сумме составлявшие один процент. Больше того, в 1646 г. иноzemцы лишились всех прежних пошлининых льгот, и пошлинное бремя иностранцев стало, пожалуй, превышать соответствующие показатели для российских купцов²⁴. Однако многие из последних хотели бы пойти гораздо дальше. Объединившиеся в своей ненависти к иностранцам крупнейшие русские купцы в 1649 г. добились крупного успеха, выжав англичан из внутренних районов страны. Вполне очевидно, что правительство России действительно предполагало распространить эту меру также и на голландских и гамбургских коммерсантов. Но, согласно К. В. Базилевичу, подобным замыслам был положен конец из-за опасения настроить против себя основных иностранных поставщиков оружия²⁵.

Реформа таможенной политики стала более основательной с введением в 1653 г. Торгового устава, в котором единые внутренние процентные ставки сочетались с общим увеличением таможенного обложения. Отправленные одновременно воеводе Ю. Б. Милославскому инструкции относительно сбора пошлин в Архангельске содержат требование тщательного надзора за сделками между русскими и иностранными купцами. Этот новый устав увеличил процентную ставку таможенных пошлин для иноzemцев, обязав их платить в полтора раза больше, чем русские. Кроме того, вводилась новая двухпроцентная проезжая пошлина²⁶. Хотя эти реформы имели даже кое-какие положительные стороны, так как создали более действенную систему таможенного пошлинного обложения, имеющиеся данные свидетельствуют о заметно более медленном увеличении числа приходивших в Архангельск кораблей после 1653 г., чем прежде.

Наивысшим выражением российского протекционизма стал Новоторговый устав 1667 г., и вновь он с очевидностью явился результатом челобитной, поданной властям московитскими купцами²⁷. Новый кодекс представлял собой самый решительный до тех пор шаг, направленный на полное упорядочение таможенных правил, но, кроме того, он существенно повысил пошлинное бремя для иностранных купцов и сделал очередную попытку сузить сферу их деятельности до порубежных российских городов посредством как ограничения доступа во внутренние районы страны, так и запретительных проезжих пошлин. Выручка наличными иностранными деньгами должна была значительно увеличиться не только благодаря повышенным пошлинным ставкам, налагаемым даже и на непроданные товары, но также и посредством принудительного взыскания этих платежей иностранной валютой. Основная пошлина в приграничных городах была увеличена до пяти процентов с «весчих» товаров и четырех процентов с «невесчих». Еще девять процентов взимались за перевозку товаров во внутренние районы страны. Продажи во внутренних городах были обложены шестипроцентным налогом, и, таким образом, общая сумма сборов достигла цифры беспрецедентной — 20–21 %. Взимание пошлин ефимками по установленному обменному курсу приносило русской казне два рубля чистой прибыли с каждого семи²⁸.

Функции гостей как управляющих местной экономикой и сборщиков налогов и пошлин предоставляли им обширные возможности для толкования правил в свою пользу. В условиях напряженности, которую вызвало принятие Новоторгового устава, коррупция и злоупотребления чиновников проявились, кажется, особенно сильно. Уже в 1668 г. коллективная петиция иностранных купцов обвинила гостя А. С. Кириллова в многочисленных случаях злоупотреблений, связанных со сбором пошлин в Архангельске. Он вместе с гостями Шориным и А. Сухановым выдвинул по адресу иноzemцев ответные обвинения в том, что они противоправными коллективными действиями пытались изменить в свою пользу условия торговли (экспортно-импортные цены). Западноевропейские купцы жаловались на то, что гость Иван Панкратьев в 1673 г. конфисковал товаров на почти 16 тыс. руб. у голландских и гамбургских торговцев²⁹. Серьезность этих споров отразил тот факт, что обрусевший иноzemец

П. Марселис, осознавая возможность значительного спада русской торговли, уже в 1668 г. включился в эти дебаты с предупреждением, что новая торговая политика русских властей обернулась для них серьезными неприятными последствиями, привела к сокращению пошлинных поступлений, и ратовал за пересмотр устава. Слегка измененный вариант предложений П. Марселиса был представлен властям спустя два года, но вновь без всякого результата³⁰.

В дополнение к уставу русские пытались оптимизировать условия торговли в Архангельске, с тем чтобы ежегодная ярмарка завершалась позднее 1 сентября. Русские купцы, доставлявшие большие партии товаров из центральных районов России в Архангельск, разумеется, стремились реализовать свои (часто крупные) капиталовложения и, следовательно, всячески старались продать свои товары до ухода западноевропейских кораблей. Это в свою очередь побуждало западноевропейцев медлить с закупками до тех пор, пока русские не будут готовы предложить выгодные цены. Дабы предотвратить возникавшее затоваривание рынка, местная архангельская администрация в 1667 г. предложила всем иноземцам приезжать в мае и торговаться в июне, но это требование было невыполнимым. Попытки продлить сроки проведения ярмарки, очевидно, лишь вынудили иностранных купцов еще больше откладывать торговлю основными объемами товаров, с тем чтобы сохранить имевшую в прежние годы место асимметрию в определении цен. Но борясь за прибыли, западные купцы и тревожились за свои суда, которые могли погибнуть в осенние штормы или во льдах, и снова и снова просили восстановить прежний окончательный срок завершения ярмарки. Однако российские власти упорствовали в этой своей политике и в 1669–1670 гг. повторяли разрешение торговать и после 1 сентября. В ответ на это голландцы и купцы других стран решили (во всяком случае, в 1674 г.) объявить 1 октября крайней датой закупок юфти — к великому ужасу русских купцов, которых уведомили об этом всего за два дня до обозначенного срока³¹.

Лишь в 1678 г. русские власти сообщили голландскому резиденту в Москве Йохану Вилхелму ван Келлеру, что навязывать крайний срок окончания ярмарки нельзя, и доказывали, что все проблемы проис текают из-за позднего прихода голландских кораблей в Архангельск. Указ 1678 г. вновь подтвердил отсут-

ствие каких бы то ни было ограничений на продолжительность ярмарки³². В свою очередь голландцы составили ультиматум, в котором объявили, что капитанам голландских кораблей приказано отправиться из Архангельска не позднее 1 сентября, в противном случае их ожидает штраф в шесть тысяч гульденов. Для русских этот аргумент не оказался достаточно убедительным. Они просто-напросто посоветовали прибывать в Архангельск раньше, напоминая, что если голландцы не станут этого делать, то торговлю можно будет продолжать и после Семенова дня³³. Такое положение дел существовало до конца XVII в., и данная ситуация, по-видимому, заставила многих иностранных купцов строить в Архангельске дома, чтобы иметь возможность подолгу жить в этом городе.

Это новое проявление неуступчивости русских властей продолжало сочетаться с элементами pragmatizma, защищавшего объемы торговли, но также и обнаруживало заметную непоследовательность в экономической политике. Согласно некоторым сообщениям, иностранным купцам по-прежнему выдавались жалованые грамоты для проезда во внутренние районы России («таковы ж, каковы даваны и до того торгового уставу...»), хотя и реже, чем ранее³⁴. Недовольство русских торговцев этим обстоятельством явствует из челобитной от ноября 1676 г., в которой они сетуют на то, что иноземные купцы действуют по всей стране, причем во многих случаях без какого бы то ни было официального разрешения. Возможно, признавая такое положение дел, русское правительство в 1677 г. либерализовало надзор за поездками иностранных коммерсантов в Москву, хотя им без прежнего официального проживания в городе проезжать туда было позволено лишь исключительно для уплаты долгов и без товаров³⁵.

Однако эти уступки почти сразу же утратили смысл, после того как правительство распорядилось удалить иноземцев из внутренних районов страны. Обвиненным в нанесении ущерба русской торговле («чинили великие помешки») иностранным купцам было велено продать дома в Москве и покинуть город («те дома и дворы продавать и тогда идти им прочь куды хотят»). Этот указ был отменен только в 1679 г., после того как западноевропейцы пригрозили, что не вернутся в Архангельск. К тому времени цена подобного крайнего протекционизма стала очевидной, поскольку в течение одного года пошлинные сборы в Архангель-

ске снизились с 82 359 руб. 30 алтын 2 денег до 68 971 руб. 22 алтын 5 денег³⁸.

В общем и целом Новоторговый устав нанес сильнейший за всю прежнюю историю удар по позициям голландцев на российском рынке. Отмена устава стала в последние десятилетия XVII в. главной целью голландской дипломатии, стремившейся защитить этот важный рынок. В 1676 г. голландский посол в Москве Кунраад фан Кленк предлагал отменить ненавистный устав: он добавил мало таможенных сборов в царскую казну, вместо этого лишь вынудил многих иноземцев уехать³⁷. Из последующих переговоров с Й. В. ван Келлером в 1678 г. выяснилось, что западноевропейские купцы, стремясь не потерять своих прибылей, стали привозить в Архангельск товары более низкого качества. Купцы ввозили с Запада не только второсортные товары («не токмо самая худыя, но и воровския»), но и низкопробное серебро³⁸. Несмотря на некоторые временные уступки, русское правительство жестко проводило свою линию. Главной задачей Й. В. ван Келлера в 1677–1678 гг., кажется, было добиться того, чтобы все голландские купцы, а не только имевшие жалованные грамоты, получили право ездить со своими товарами в Москву. Он высказывал угрозу в том смысле, что новый протекционизм быстро создает напряженность в русско-голландских отношениях, и даже утверждал, что Голландия перенесет свою торговлю из Архангельска на Балтику («к святым приставам»); однако все было тщетно³⁹.

После нескольких таких беспокойных лет к 1680-м годам русские власти согласились на компромисс, который в значительной степени восстанавливал права общины иностранных купцов и делал дифференцированные ставки таможенных пошлин наиболее важным средством благоприятствования русскому купеческому сословию. После того как иноземцам было дозволено возвратиться в Москву, все больше их стало приезжать вообще без товаров, за которые следовало бы платить пошлины. По утверждению Н. Н. Репина, дело здесь в том, что деньги и товары уже были даны в кредит русским торговым людям еще в Архангельске⁴⁰. Но и позднее споры продолжались. В 1685 г. Й. В. ван Келлер обратил внимание русского правительства на факты вмешательства местного воевода в деловые операции на ярмарке,

сообщив, что представители местной администрации регулируют цены, конфискуют товары и взимают незаконные пошлины⁴¹.

Голландцы предпринимали и другие попытки вдохнуть в свою русскую коммерцию новые силы. Амстердамский бургомистр Николаас Витсен в 1690 г. предложил реорганизовать русско-голландскую торговлю с Индией, Персией, Китаем и Отоманской империей, хотя такое предложение, разумеется, уже не совмещалось с активностью русского правительства в его торговле с азиатскими странами⁴². Однако Й. В. ван Келлер сумел добиться благоприятных перемен в обхождении русского правительства с голландским купечеством. Ведущие голландские коммерсанты Даниэл Хартман (Гартман) и Адольф Хоутман (Гутман) в 1687 г. получили щедрые привилегии на свободную торговлю в Москве, Архангельске, Новгороде и Пскове. В 1694 г. подобное же право было предоставлено Кунрату Канненгите⁴³.

Вообще, голландские купцы сумели обойти многие положения Новоторгового устава. Преобладающие позиции на рынке позволяли им — часто совместно с другими иностранцами — сговариваться о действиях, направленных на понижение цен на русские товары. Например, по словам гостя Аверкия Кириллова, в 1667 г. являвшегося главой архангельской таможни, голландские купцы В. Меллер, Д. Хартман и их гамбургский коллега П. Ферпоортен сговорились о снижении цен на юфть, и из-за этого русские коммерсанты, по его словам, недополучили 15 тыс. руб.⁴⁴.

Используя свои прочные кредитные отношения с мелкими и средней руки русскими купцами, голландцы имели возможность организовать широкую сеть местных поставщиков⁴⁵. Русские не были в состоянии сколько-нибудь эффективно освободиться от этой своей зависимости⁴⁶. Больше того, спрос в Московии на многие поставляемые голландцами товары не уменьшался, и это позволяло компенсировать новые повышенные пошлины более высокими ценами. Однако несмотря на успехи голландцев в деле ограничения понесенного ущерба, было очевидно, что Архангельск более не являлся «приятным» и привлекательным рынком, каким он некогда был. Деловой климат там ухудшился и сделал Архангельск в целом довольно-таки слабо развивавшимся местом, пока Северная война не придала новый импульс таможней торговле.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что многочисленные затруднения, с которыми сталкивались голландские купцы, не на всех их отражались в равной мере. Ведущие голландские коммерсанты продолжали пользоваться расположением властей, часто продавали оружие и прочие важные товары. Пошлины платежи голландских купцов в Архангельске высвечивают впечатляющие масштабы деловых операций конца XVII столетия. А. Хоутман, например, в 1659–1688 гг. уплатил в общем и целом 53 711 руб. пошлинных сборов. К. Канненгитер в 1669–1694 гг. был освобожден от уплаты пошлин на сумму 55 145 руб., а Д. Хартман в 1656–1686 гг. внес 61 051 руб. пошлинных платежей⁴⁷. Однако представляется, что число живших в России голландских купцов к концу столетия в лучшем случае не увеличивалось. Число же английских и гамбургских коммерсантов, наоборот, должно было возрастать, поскольку в начале 1680-х годов в Москве жило рекордное за все времена число допущенных туда иноземных купцов — 41⁴⁸.

Притязания англичан

В добавок к названным проблемам ближе к концу столетия голландцы столкнулись с более серьезными притязаниями со стороны англичан. Английское присутствие на русском рынке было маргинальным с первых десятилетий XVII в. и тем более после 1649 г. Ситуация начала меняться лишь очень медленными темпами. В самом деле, конец 1660-х и 1670-е годы можно определить как время самого низкого уровня англо-русской торговли. В 1670 г. на долю английских купцов из собранных в Архангельске пошлин пришлось всего 9,7% (3498 руб. из 35 968), а в следующем году эта доля повысилась лишь не более чем до 10,4%. В 1673 г. Томас Гебдон оказался единственным английским купцом на архангельской ярмарке. Уплаченные им пошлины — 326 руб. 26 алт. — составили менее одного процента от общего сбора⁴⁹. В Архангельск за один год ни разу не пришло более четырех английских кораблей, а во многие годы было только по два⁵⁰.

Эта мрачная картина начала улучшаться, хотя и очень постепенно, во второй половине 1670-х годов. В 1676 г. царь попытался заинтересовать «Московскую компанию» привезенным в

Москву персидским шелком, и ведущие члены английской торговой общиньи, возглавляемые Джозефом (Осипом) Вулфом (Вульфом, Вольфом), стали получать жалованные грамоты для поездок во внутренние районы России⁵¹. Начало возрастать и число приходивших в Архангельск английских кораблей. В 1681 г. «Московская компания» отправила в беломорский порт шесть судов общей грузоподъемностью 1550 тонн. Кроме того, два ранних корабля должны были быть отправлены следующей весной для вывоза закупленных излишков. На протяжении большинства последующих лет число английских кораблей колебалось между четырьмя и шестью, но в некоторые годы их было и 10–11. К 1689 г. общий тоннаж арендованных членами Компании судов составил 2392 тонны для Лондона и 335 тонн для Ливорно. Средние размеры кораблей заметно увеличились с 200–250 тонн в 1670-х до 300–350 тонн в 1680-х годах. В годы, когда кораблей в Архангельск приходило больше, как правило, один или два отправляли неделей-двумя позже обычного срока — конца июня или первых дней июля. Подобным же образом стали обычными ранние плавания — в апреле или мае. В 1689 г. грузоподъемность одних только ранних судов достигала 547 тонн⁵².

Оживление деятельности «Московской компании» в конце XVII в. было обусловлено рядом факторов. Возможно, наиболее важным из них явилось заметное увеличение продажи табака в Россию. Вопрос о таможенных пошлинах на табак был Компанией поднят еще в 1676–1677 гг. в связи с миссией в Россию Джона Гебдона, когда выяснилось, что нелегальная торговля тогда уже существовала. В 1686 г. Компания вынашивала замысел отправить к русским посланника для обсуждения вопроса о легализации табачной торговли⁵³. Ключевым поворотным пунктом стало принятие в 1697 г. Петром I решения о дозволении открытой продажи и курения табака — вероятно, это явилось ответной мерой на то, что нелегальная торговля этим товаром на всей территории его владений приняла угрожающие размеры. Англичанам пришлось сделать табак центральной темой их русской дипломатии, когда правительство России заключило с голландцем Томасом Фадомрехтом контракт, обеспечивавший ему исключительное право торговли табаком. В апреле 1698 г. Петр, который тогда совершил поездку по Западной Европе, согласился пожаловать табачную монополию Перигрину Осборну, мар-

кизу Кармартену. На самом деле Кармартен представлял интересы группы из дюжины купцов, которые, получив контракт, допустили в свои ряды около шестидесяти коллег и образовали товарищество под названием «Подрядчики московского царя с исключительным правом ввоза табака в его владения» (*Contractors with the Czar of Muscovy for the Sole Importation of Tobacco into his Dominions*), или «Смелые предприниматели в русской табачной торговле» (*Adventurers in the Russia Tobacco Trade*). Табачный контракт гарантировал каждому имевшему отношение к компании «полную свободу и возможность жить в любой части царских владений... и торговать с любым или нанимать любого царского подданного либо чужестранца» — то были условия куда более благоприятные, чем те, на которых работала «Московская компания»⁵⁴.

Обсуждение вопроса о табаке сопровождалось дебатами на более широкую тему об основном характере «Московской компании», которую многие теперь считали неудачной, особенно потому, что значительная часть английской торговли с Россией по-прежнему оставалась в иностранных руках. К середине 1690-х годов вспыхнул спор относительно критериев ограничения в членстве в Компании, и вышла брошюра, недвусмысленно объяснявшая упадок торговли с Россией близорукой политикой Компании, в результате чего стало чрезвычайно затруднено вступление в нее новых членов⁵⁵. Вероятно, главным структурным фактором, ограничивавшим ресурсы Компании, действительно было сокращение численности ее членов. Число участвовавших в Компании купцов неуклонно уменьшалось с 400 человек в 1565 г. до 60–70 в начале XVII в. и далее до 39 в 1633, 31 в 1681 и 20 в 1698 г. Сэмюэль Хиткоут в 1697 г. сетовал, что в Компании насчитывается всего 12–14 активно торгующих купцов⁵⁶. И все же в 1691 г. Компания еще более ужесточила критерии приема в нее. Вместо стандартного вступительного взноса членство в Компании с тех пор предполагало либо службу на нее, либо родство с ее членом⁵⁷.

Несколько других купеческих групп усматривали в табаке средство обрушить твердыню старых «московских» коммерсантов. Самыми значительными заинтересованными сторонами являлись действовавшая на Балтике «Истлендская компания» (*Eastland Company*) и торговцы табаком американских коло-

ний. Эти настроения отражали более широкое стремление к либерализации критериев членства в английских компаниях⁵⁸. Торговцы табаком утверждали, что концентрация английской табачной коммерции с Россией в руках всего нескольких человек уменьшил шансы англичан на монопольное право продажи этого товара⁵⁹. При более либеральных условиях табачные торговцы могли бы ожидать ежегодного экспорта в Россию 20 тысяч ходзхедов — то есть количества, достаточного для загрузки сорока кораблей по 200 тонн на каждом⁶⁰.

Несколько других купцов, в том числе членов «Истлендской компании», присоединились к этому движению, осознавая чрезвычайно большой потенциал России как поставщика необходимых для кораблестроения товаров и выгоды, которые это представляло английскому судоходству на разных уровнях. Одна из написанных купцами брошюр утверждала, что лесоматериалы и другие продукты леса в России гораздо дешевле, нежели в Пруссии или Скандинавии. Больше того, тот факт, что у России нет своего военно-морского флота, будет стимулировать развитие английского судоходства. И последнее — по порядку, но не по значимости — соображения безопасности: «Если и в дальнейшем у русских не будет флота, они не смогут вступить ни в какую морскую войну, и, стало быть, мы получим большую вероятность всегда вести с ними свободную и открытую торговлю...»⁶¹

«Акт о расширении торговли с Россией» был наконец в 1699 г. принят парламентом, и произошло резкое увеличение числа членов Компании. На одном только собрании, состоявшемся 14 апреля 1699 г., было принято 73 новых члена, затем 26 апреля еще 15 и семь в мае и июне. Прием одновременно троих-четверых новых членов оставался в 1699–1700 гг. обычной приметой собраний⁶². Проще говоря, это было равносильно поглощению старой «Московской компании» ее прежними конкурентами. Принятые меры, сколь бы спорными они ни были, весьма и весьма увеличили ресурсы Компании. Отправившийся в 1701 г. к Архангельску основной флот состоял уже из тридцати судов⁶³. Совершенно очевидно, что осуществленные на переломе столетий реформы преобразовали «Московскую компанию» из маленько-го кружка купцов, какой она была, в сильную и динамичную организацию, исполненную решимости завоевывать новые рынки.

Заключение

Вполне очевидно, что коммерческие операции голландцев в северной России достигли низшей точки падения прибылей в 1670-е годы. Было недостаточно выжать их из России или даже уменьшить объемы торговли, в основном потому, что русским не удалось найти новые источники капиталов, и прежде всего мелкие купцы остались в такой же зависимости от голландских займов, как и раньше. Подобным же образом характер архангельского рынка остался по существу своему «перекошенным», поскольку иностранцы контролировали все судоходство, и это позволяло им диктовать цены на русские товары, многие из которых доставлялись к побережью моря издалека. Однако такое положение дел начало меняться, когда Петр I в 1693 г. заложил Соломбальскую верфь, тем самым основав на более или менее обеспеченной базе русское судостроение. Больше того, происшедшее в 1680–1690-х годах дипломатическое сближение между двумя странами, которому весьма содействовал энергичный голландский резидент И. В. ван Келлер, сняло значительную часть напряженности в отношениях и несомненно способствовало определенному восстановлению архангельской торговли голландцев в последнем десятилетии XVII в. Было тем не менее очевидно, что старые добрые дни стабильного расширения голландского влияния с почти полным контролем над рынком к 1670-м годам миновали, и такое положение дел полностью не восстановилось на протяжении оставшихся лет этого века. Русские были теперь более сильными и более независимо мыслящими оппонентами, придававшими большее значение собственному экономическому развитию, что нашло свое отражение в основании ими судостроения и планах становления отечественной промышленности. Объем голландской торговли в Архангельске возрос лишь незначительно, и, что еще более важно, голландцам не удалось провести в жизнь агрессивную стратегию, направленную на расширение их влияния в том регионе, который позволил бы им продолжать проникновение на московитский рынок, — а именно в восточной Прибалтике. Им достался большой кусок пирога — но пирога, который уже не увеличивался. Особенности коммерческих отношений голландцев с Россией в конце XVII в. явились

предвестником их постепенного отступления с позиций великой торговой державы в последующем столетии.

¹ Подробнее о реформах А. Уксеншерна см.: Soom A. Die Politik Schwedens bezüglich des russischen Transithandels über die estnischen Städte in den Jahren 1636–1656 (Öpetatud Eesti Seltsi Toimetised; K. 32). Tartu, 1940. S. 115–64; Troebst S. Handelskontrolle — Derivation — Eindämmung: Schwedische Moskaupolitik 1617–1661 (Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts München: Reihe Forschungen zum Ostseeraum; Bd 2). Wiesbaden, 1997. S. 204–349.

² ГАШ. Muscovitica. Vol. 601. Листы не нумерованы.

³ Kotilaine J. T. Foreign Trade and Military Conquest on Russia's Western Border in the 17th Century // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1998. Bd. 15. P. 502. — Филипп фон Круценштерн в своем написанном в июне 1660 г. докладе утверждал, что нарвские купцы в 1654 г. вывезли на 500–600 тыс. рейхсталеров ценных московитских товаров — таких как поташ, смольчуг, ревень, шелк, индиго, юфть, лен и пенька. Поскольку таможенные пошлины поступления в Ревеле обычно составляли только 3–4 тыс. рейхсталеров в год, а общие поступления со всех таможенных сборов не превышали 5 тыс. рейхсталеров в Нарве и 3 тыс. рейхсталеров в Ниене, то доходы 1654 г. побили все рекорды. Пошлины сборы в Ревеле превысили 12 тыс. рейхсталеров, а соответствующие цифры для Нарвы и Ниена были свыше 20 и 15 тыс. соответственно. Общая сумма таможенных поступлений из этих трех городов достигла 70 тыс. рейхсталеров (ГАШ. Handel och sjöfart. Vol. 17. Листы не нумерованы).

⁴ О нарвской торговле в конце столетия см.: Пийримяэ X. A. Состав, объем и распределение русского вывоза в 1661–1700 гг. через шведские владения в Прибалтике на примере торговли г. Нарвы // Скандинавский сборник. Таллин, 1962. Т. V. С. 34–94.

⁵ Kotilaine J. T. Riga's Trade with Its Muscovite Hinterland in the Seventeenth Century // Journal of Baltic Studies. 1999. Vol. 30. P. 144–152.

⁶ Kotilaine J. T. Foreign Trade... P. 522–523.

⁷ Таможенная книга 1670/71 г. — единственный сохранившийся более или менее полный корпус записей пошлинных сборов в XVII в. для северо-западного русского города (Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Отдел старопечатных и рукописных фондов. Ф. 608. Д. 397).

⁸ Репин Н. Н. Внешняя торговля через Архангельск и внутренний рынок России во второй половине XVII — первой четверти XVIII в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1970. С. 89.

⁹ Куканова Н. Г. Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII — первой половине XIX века: По материалам русских архивов. Саранск, 1977. С. 91–99; Troebst S. Die Kaspi—Volga—Ostsee—Route in der Handelskontrollpolitik Karls XI.: Die schwedischen

Persien-Missionen von Ludwig Fabritius 1679–1700 // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1998. Bd 54. S. 167.

¹⁰ Зевакин Е. С. Очерки по истории Азербайджана и Ирана XVI–XVII веков. Т. 1: Экономические отношения России с Ираном и Азербайджаном во второй половине XVI и XVII веке. Баку, 1938. С. 113–114.

¹¹ Пийримяэ Х. А. Состав, объем... С. 40. Дополнительные сведения, разысканные нами в Эстонском историческом архиве (*Eesti Ajalooarhiiv*) и в Государственном архиве Швеции в целом подтверждают его выводы о преобладающих позициях Любека.

¹² Там же. С. 46–47, 57–58, 61–62, 68.

¹³ Harder E. Seehandel zwischen Lübeck und Rußland im 17/18. Jahrhundert nach Zollbüchern der Novgorodfahrer // *Zeitschrift des Vereins für lübeckische Geschichte und Altertumskunde*. 1961. Bd 16. S. 43–114; 1962. Bd 17. S. 5–53.

¹⁴ Küng E. Inglise kaubandus Narvas 17. sajandi II poolel // *Kleio: Ajaloo ajakiri*. 1992. № 5/6. Lk. 12–16.

¹⁵ Troebst S. Handelskontrolle... S. 330–349.

¹⁶ Пийримяэ Х. А. Состав, объем... С. 40; Küng E. Inglise kaubandus... Lk. 12, 14.

¹⁷ Soom A. 1) Narva metsakaubandus ja metsatööstus XVII sajandi lõpul // *Ajalooline Ajakiri*. 1940. Ak. 19. Lk. 57–72; 2) Der Ostbaltische Holzhandel und die Holzindustrie im 17. Jahrhundert // *Hansische Geschichtsblätter*. 1961. Bd 79. S. 80–100.

¹⁸ Piirimäe H. Laevandus ja laevahitus Narvas XVII sajandi lõpul // *Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised*. 1987. K. 785 (Läänemeremaade majanduslikud ja poliitilised sidemed XVII–XX sajandil). Lk. 3–25.

¹⁹ ЭИА. 1646–1–1073, 1074, 1083, 1086, 1089; 1646–2–342–9.

²⁰ История Русского двора в Стокгольме недавно изучена в кн.: Шаскольский И. П. Русская морская торговля на Балтике в XVII в.: (Торговля со Швецией). СПб., 1994; см. особенно главы 2 и 3.

²¹ Stockholms stadsarkiv (Городской архив Стокгольма). Stadskamrarerens, drätselkommisionens samt drätselnämndens och dess avdelningars arkiv 1639–1921. G. Huvudboken och dess räkenskaper, I. Huvudböcker med verifikationer: b) Verifikationer 1636–1920: 1690. D. 1. F. 2418–699; 1695. D. 1. S. 898–1207; 1698. D. 2. F. 2914–3281; 1699. D. 2. F. 2838–3161; 1700. D. 2. F. 3222–3456. Ср. с более высокими показателями в Нарве: приблизительно 10 тыс. шиффунтов льна, до 23 тыс. шиффунтов пеньки, 3500 шиффунтов сала и до 140 тыс. шиффунтов юфти (ЭИА. 1646–1–1074, 1646–1–1083, 1646–1–1086, 1646–1–1089, 1646–2–349). По всем этим статьям Нарва и Ниен вместе теперь достигли обычного для Архангельска уровня. Хотя мы не располагаем подробными данными о вывозе из Архангельска в 1690-х годах, перечень товаров за 1674 г. является показательным, поскольку общие масштабы архангельской торговли, судя по сведениям о числе приходивших кораблей и суммам таможенных сборов, изменились мало. Из Архангельска вывезли 8 тыс. шиффунтов пеньки, 2 тыс. шиффунтов

сала и 384 тыс. шиффунтов юфти; льна почти не было (ГАИ. Kommerskollegium: *Huvudarkivet*, F. IV:96. Handel med Ryssland, 1670-talet).

²² Eström S. E. 1) Technology and timber exports from the Gulf of Finland // *Scandinavian Economic History Review*. 1975. Vol. 23; 2) Holländarna och trävaruexporten från Finska viken har kring 1700 // *Historiska och litteraturhistoriska studier = Skrifter utgivna av Svenska litteratursällskapet i Finland*. 1976. Bd 6. S. 55–80.

²³ Изложено в статье: Базилевич К. В. Элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алексея Михайловича // Ученые записки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. 1940. Т. 16. С. 3–34.

²⁴ Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. М., 1994. Вып. 1. С. 55.

²⁵ Базилевич К. В. Элементы меркантилизма... С. 10.

²⁶ Пашков А. И. История русской экономической мысли: Т. I (Эпоха феодализма). М., 1955. Ч. 1. С. 258; Тихонов Ю. А. Таможенная политика Русского государства с середины XVI до 60-х годов XVII в. // Исторические записки. 1955. Т. 53. С. 276–277, 283–285; Николаева А. Т. Отражение в уставных таможенных грамотах Московского государства XVI–XVII вв. процесса образования всероссийского рынка // Там же. 1950. Т. 31. С. 263; Маньков А. Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998. С. 143; Базилевич К. В. Элементы меркантилизма... С. 11; Чистякова Е. В. Новоторговый устав 1667 года // *Археографический ежегодник за 1957 год*. М., 1958. С. 106, 108; ААЭ. СПб., 1836. Т. IV. № 64.

²⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Стб. 600. Л. 49, 56; Андреев А. И. Новоторговый устав 1667 г.: (К истории его составления) // Исторические записки. 1942. Т. 13. С. 306.

²⁸ ПСЗ. Т. I. № 408. С. 45.

²⁹ Чистякова Е. В. Новоторговый устав... С. 124; Демкин А. В. Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 69–70.

³⁰ Тихонов Ю. А. Таможенная политика... С. 286–288; Чистякова Е. В. Новоторговый устав... С. 116.

³¹ ДАИ. СПб., 1875. Т. IX. С. 127; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1857. Т. 7. С. 103; Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 44; Чистякова Е. В. Новоторговый устав... С. 124; Демкин А. В. Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 61–62, 65, 69–70.

³² ДАИ. Т. IX. С. 126, 129. Русские требования казались весьмарезонными. Согласно собранным Н. Н. Репиным (неполным) сведениям, из 80 пришедших в 1658 г. в Архангельск кораблей 10 пришли в июне, 20 в июле, 47 в августе и 3 в сентябре. В 1666 г. 1 корабль пришел в мае, 7 в июле и 8 в августе. В 1667 г. 9 пришли в июне, 6 в августе и 9 в сентябре (Репин Н. Н. Внешняя торговля... С. 49).

³³ ДАИ. Т. IX. С. 129–130.

³⁴ По-видимому, отношения между русскими и иностранными купцами продолжали оставаться более или менее дружелюбными. Ни один

гость не был недоволен выдачей иностранцам паспортов («никакова спору о том не бывало...») (РГАДА. Ф. 50. 1683 г. Д. 2. Л. 63–64).

³⁵ Там же. Ф. 35. 1690–1691 гг. Д. 258. Л. 9–11; Ф. 50. 1683 г. Д. 2. Л. 64.

³⁶ Там же. Ф. 50. 1678 г. Д. 1. Л. 59, 70; Белов М. И. Россия и Голландия в последней четверти XVII в. // Международные связи России в XVII–XVIII вв.: (Экономика, политика, культура). М., 1968. С. 66.

³⁷ «...Новой торговой вредной устав отставить, который по се время малой образ в пошлинах царского величества казне доставил, но привел лишь ко отогнанию всяких чужеземцов точию корысти некоторого числа самолюбивых человек» (Ловягин А. М. Вступительная статья // Посольство Кунцаада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. СПб., 1900. С. LXXV).

³⁸ РГАДА. Ф. 50. 1678 г. Д. 1. Л. 255; Репин Н. Н. Внешняя торговля... С. 49.

³⁹ Русское правительство выступило с необычным для себя и кратким заявлением в защиту свободного рынка: «Ярмарка — дело вольное, и заканено, как кому торговать, у Архангельского города или через Великий Новгород и Псков» (РГАДА. Ф. 50. 1679 г. Д. 1. Л. 25). Возможно, еще бульшую тревогу голландцев вызвало не вполне верное утверждение русских о том, что уже нет иностранцев, имеющих жалованые грамоты для поездок в Москву. Это явно было связано с удалением в 1677 г. иноземных купцов из внутренних районов России. В действительности по крайней мере два агента фирм «Кленк и Бернхард» и Питера де ла Далле определенно сохранили имеющие законную силу жалованые грамоты. Последний, однако, в 1670-х годах не вел никаких дел (Там же. 1678 г. Д. 1. Л. 247, 332).

⁴⁰ Например, англичанин М. Вольф в 1681 г. приехал в Москву без товаров. В 1690 г. его соотечественники Стейлс (Стельс) и Кон прибыли в этот город, тоже не имея с собой ничего облагаемого пошлинной (Репин Н. Н. Внешняя торговля... С. 345).

⁴¹ Белов М. И. Россия и Голландия... С. 69.

⁴² РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1691 г. Д. 2; март 1691 г.

⁴³ Белов М. И. Россия и Голландия... С. 70–71.

⁴⁴ Кириллов конфисковал товаров на 3195 руб. у группы голландских купцов, в том числе у В. Меллера и Д. Хартмана. Однако товары были возвращены после того как иностранцы заявили, что не были ознакомлены с положениями Новоторгового устава (Демкин А. В. Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 67–68).

⁴⁵ Выдаваемые на Севере кредиты достигали внушительных размеров. Произведенный А. В. Демкиным анализ хранящихся в РГАДА долговых расписок показывает, что некоторые купцы занимали денег на общую сумму свыше 10 тыс. руб. Всего сохранились 94 расписки, выданные голландскими купцами (Демкин А. В. Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 122–123, 127).

⁴⁶ Осознавая неудачу всех прежних попыток, Петр I в 1699 г. издал указ, повелевающий русским купцам создавать компании по примеру

иностранных: «...как торгуют иных государств торговые люди» (ПСЗ. Т. III. № 1706).

⁴⁷ Демкин А. В. Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 77.

⁴⁸ Противоположное требование см.: Белов М. И. Нидерландский резидент в Москве барон Иоганн Келлер и его письма: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1947. С. 171; РГАДА. Ф. 35. 1690–1691 гг. Д. 258. Л. 15–16.

⁴⁹ GHL. Ms. 11,741/1. P. 13, 15, 38; Репин Н. Н. Внешняя торговля... С. 303.

⁵⁰ В 1670 г. купленных по списку подписанчиков вскладчину товаров было уже больше: 491 т для Лондона и 506 т для Ливорно; этого было достаточно для загрузки четырех кораблей. В 1671 г. было уже соответственно 569 и 56 т. В 1674 г. общая подпись для Лондона составила 517 т. В 1678 г. на 720 т подписались для Лондона и на 21 т для Ливорно. Соответствующие цифры на 1679 г. составили 641 и 57 т. В 1680 г. на 1000 т подписались для Лондона и на 134 т для Италии (GHL. Ms. 11, 741/1. P. 25, 27, 40, 61–62, 96, 122, 156, 191). Объемы этих поставок порой оказывались недостаточными, и в 1676 г., например, последовал запрос на ранний 270-тонный корабль. Подобные же заявки были сделаны в 1678 и 1681 гг. В 1679 г. компания фактически дала свое согласие на уменьшение подписки на 51 т, чтобы груз уместился на имеющихся судах (GHL. Ms. 11,741/1. P. 121, 171–172).

⁵¹ В конце концов Дж. Вольф в январе 1687 г. получил наиболее благоприятное разрешение для поездок во внутренние районы страны. Это было сделано в знак официального признания доходов, принесенных им русской казне продажей икры и поташа, и в качестве поощрения за то, что в 1682–1687 гг. он уплатил почти 12 тыс. руб. пошлинных сборов. Ему была дана грамота на свободную торговлю во внутренних районах России, хотя и с условием, что он будет платить пошлины в соответствии с Новоторговым уставом. Дж. Вольфу было также предоставлено право держать дома в Москве, Архангельске и «на Двине». Он, кажется, торговал крупными партиями ревеня. В письме с сообщением о состоявшемся 12 декабря 1684 г. собрании «Московской компании» утверждалось, что Дж. Вольф и голландский купец Адолф Хоутман ежегодно вывозили в общей сложности 100 пудов ревеня. Дж. Вольф стал предпринимателем крупного масштаба, часто отправлявшим ранние корабли, например, два судна в 1684 г. и еще большее их число в 1686-м. Он также отправил по крайней мере один ранний корабль в 1687 г. и два (приблизительно в 400 т) в 1688-м. Помимо этого, купец к 1689 г. поставлял корабли для любых грузов (Демкин А. В. Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 47; GHL. Ms. 11,741/1. P. 125; Ms. 11,741/2. P. 51, 57, 68, 83, 92, 114; PRO SP. 91/3. Fol. 208–209).

⁵² В 1684 г. подпись для Лондона достигла 1392 т, а для Ливорно всего 30. Соответствующие цифры 1685 г. составили 2 тыс. т и 79 т. В 1690 г. на 2462 т подписались для Лондона и на 135 для Ливорно, и сделать это, как и применительно к более ранним кораблям, было разрешено несмотря на эмбарго (GHL. Ms. 11,741/1. P. 216–221, 231; Ms. 11,741/2. P. 24–25, 100, 130, 136–137).

⁵³ Ibid. Ms. 11,741/1. P. 151; Ms. 11,741/2. P. 77; PRO CO. 388/1. Fol. 156–157; CO. 391/1. P. 200–201.

⁵⁴ Price J. M. The Tobacco Adventure to Russia: Enterprise, Politics, and Diplomacy in the Quest for a Northern Market for English Colonial Tobacco, 1676–1722 // Transactions of the American Philosophical Society. New Series. Vol. 6. P. 20, 23, 26–27, 38; PRO CO. 391/10. P. 181–183.

⁵⁵ Harvard University. Kress Library, Baker Business Library; Goldsmiths'-Kress Library of Economic Literature. 3081.18: Доводы в пользу более легкого вступления в «Русскую компанию» (Reasons for an Easic Admission into the Russia Company), 1695 г.

⁵⁶ Kellenbenz H. La significationéconomique de la route d'Arkhangelsk // Études d'histoire maritime présentées au XIIIe congrès international des sciences historiques par la Commission Internationale d'Histoire Maritime à l'occasion de son XIIe colloque / Publ. par M. Mollat. M., 1970. P. 44, 58; Price J. M. The Tobacco Adventure... P. 39.

⁵⁷ GHL. Ms. 11,741/2. P. 147. — В ответ одна брошюра предупредила о фактической невозможности вступления в Компанию, «тогда как прием в другие компании может быть осуществлен за 40 [шилингов]...» (Harvard University. Kress Library, Baker Business Library; Goldsmiths'-Kress Library of Economic Literature. 3081.15: Доводы в пользу расширения и регулирования торговли с Россией и Нарвой (Reasons for Enlarging and Regulating the Trade to Russia and the Narve), 1695 г.).

⁵⁸ Price J. M. The Tobacco Adventure... P. 38.

⁵⁹ Harvard University. Kress Library, Baker Business Library; Goldsmiths'-Kress Library of Economic Literature. 3081.6: Дополнительные доводы в пользу расширения торговли с Россией (Further Reasons for Inlarging the Trade to Russia).

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Ibid. 3081.15.

⁶² GHL. Ms. 11,741/3. P. 2, 5, 6–7.

⁶³ Ibid. P. 37.

Перевела с английского А. И. Берестова